

ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД - НКГЕ — ГУКР «СМЕРШ». 1939 --март 1946.

/ 52 /

№37 СООБЩЕНИЕ Л.П. БЕРИИ И.В. СТАЛИНУ О Н.И. ЕЖОВЕ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

27 апреля 1939 г.

№ 1268/б *Совершенно секретно*

Товарищ СТАЛИН

При этом направляю Вам протокол допроса Ежова от 26 апреля 1939 года. Допрос продолжается.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

АРЕСТОВАННОГО ЕЖОВА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА

от 26 апреля 1939 года

ЕЖОВ Н.И., 1895 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, бывший член ВКП(б) с 1917 года. До ареста — Народный Комиссар Водного транспорта.

ВОПРОС : На предыдущем допросе вы показали, что в течение десяти лет вы вели шпионскую работу в пользу Польши. Однако вы скрыли ряд своих шпионских связей. Следствие требует от вас правдивых и исчерпывающих показаний по этому вопросу.

ОТВЕТ: Должен признать, что, дав правдивые показания о своей шпионской работе в пользу Польши, я действительно скрыл от следствия свою шпионскую связь с немцами.

ВОПРОС : В каких целях вы пытались отвести следствие от своей шпионской связи с немцами?

ОТВЕТ: Мне не хотелось показывать на следствии о своей прямой шпионской связи с немцами, тем более что мое сотрудничество с немецкой разведкой не ограничивается лишь шпионской работой по заданию германской разведки, я организовал антисоветский заговор и готовил государственный / 53 / переворот путем террористических актов против руководителей партии и правительства.

ВОПРОС : Покажите обо всех ваших шпионских связях, которые вы пытались скрыть от следствия, и обстоятельствах вашей вербовки.

ОТВЕТ: В качестве агента немецкой разведки я был завербован в 1934 году при следующих обстоятельствах: летом 1934 года был послан на лечение за границу в Вену к профессору НОРДЕНУ.

ВОПРОС : Кто такой НОРДЕН?

ОТВЕТ: НОРДЕН по национальности немец, по неизвестным мне причинам переехавший из Франкфурта в Вену, крупнейший специалист в медицинской науке, является совладельцем многих санаториев не только в Австрии, но и в некоторых других странах Европы.

В Вену к НОРДЕНУ на лечение направлялись больные из ряда стран мира, в том числе многие

руководящие работники из СССР.

ВОПРОС : Кто именно?

ОТВЕТ: Насколько я знаю, у НОРДЕНА лечились ЧУБАРЬ, ГАМАРНИК, ЯКИР, *ВЕЙНБЕРГ*, МЕТАЛИКОВ.

ВОПРОС : Кто же вас завербовал?

ОТВЕТ: Завербован я был для сотрудничества с немецкой разведкой доктором ЭНГЛЕРОМ, который является старшим ассистентом НОРДЕНА.

ВОПРОС : Непонятно, какое отношение имеет доктор ЭНГЛЕР к работе немецкой разведки?

ОТВЕТ: Чтобы ответить на этот вопрос подробно, я прошу разрешить мне рассказать об обстоятельствах, при которых я был завербован ЭНГЛЕРОМ.

ВОПРОС : Говорите.

ОТВЕТ: По приезде в Вену в конце июля 1934 г. я был помещен в наиболее комфортабельный коттедж — санаторий.

На третьей неделе своего пребывания в санатории я вступил в интимную связь с медицинской сестрой, имени которой не помню. В первую ночь все обошлось благополучно, но в следующее ее дежурство в комнату неожиданно вошел доктор ЭНГЛЕР, который застал меня в непристойном виде с медсестрой и поднял скандал. Он немедленно вызвал сестру, та с криком выбежала из комнаты, а ЭНГЛЕР стал на ломаном русском языке объясняться со мной.

Он заявил: «Такого скандального случая у нас в санатории еще не было, это вам не дом терпимости, вы портите доброе имя нашего санатория. Здесь имеются ученые всего мира, а вы такие дела делаете. Придется вам выписаться из санатория, а мы доведем до сведения наших властей об этом безобразном факте. Я не ручаюсь, что эта скандальная история не появится в печати».

Я стал умолять ЭНГЛЕРА не делать этого и предложил ему деньги. ЭНГЛЕР еще более вспылал и демонстративно ушел.

На второй день я сам подкатился к ЭНГЛЕРУ извиняться за грубость, за деньги, которые я предложил ему, заявив, что хочу все дело уладить миром. В тоне, не допускавшем возражений, ЭНГЛЕР предложил мне: «Либо вы будете впредь сотрудничать с немцами, либо мы вас дискредитируем в печати. Выбирайте».

Тут же ЭНГЛЕР сказал мне, что прекрасно знает, кто я такой, что делаю в СССР и какое положение занимаю в партии (я тогда работал зав. промышленным отделом ЦК ВКП(б) и зам. председателя Комиссии партийного контроля).

Я был озадачен и понял, что медицинская сестра по заранее обдуманному плану была подставлена ко мне, и попросил у ЭНГЛЕРА разрешения подумать. Он согласился.

/ 54 /

Так как с решением этого вопроса я не торопился, на второй или третий день ЭНГЛЕР сам подошел ко мне и спросил: «Ну как, вы надумали, что решаете делать?» Я опять пытался его упросить уладить добром, без всяких скандальных историй. Он наотрез отказался. ЭНГЛЕР прямо заявил, что сегодня

же доложит об этой истории президенту полиции, а завтра о моем безобразном поведении появится сообщение в австрийской печати. «Учтите, — продолжал ЭНГЛЕР, — что помимо разврата в санатории вы еще занимались подкупом наших служащих».

Я решил согласиться на предложение ЭНГЛЕРА.

ВОПРОС : Излагаемые обстоятельства вашей вербовки немецкой разведкой не внушают доверия.

Непонятно и странно то, что вы пошли на вербовку, лишь опасаясь огласки в иностранной печати факта вашей интимной связи с какой-то женщиной.

Говорите прямо, на чем вас подцепила немецкая разведка?

ОТВЕТ: К этому времени я только был выдвинут на большую политическую работу, огласка же этого инцидента дискредитировала бы меня в СССР и, возможно, привела бы к разоблачению моего бытового разложения. Кроме того, до этого, как известно следствию, я уже был связан с польской разведкой, так что терять мне было нечего.

ВОПРОС : И вы связали себя обязательством работать еще на немцев?

ОТВЕТ: Пришлось. ЭНГЛЕР потребовал от меня краткого письменного обязательства о сотрудничестве с немецкой разведкой, что я и сделал.

ВОПРОС : То есть вы дали письменное обязательство?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС : Дали ли вам кличку?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС : Что же дальше?

ОТВЕТ: После оформления вербовки я попросил ЭНГЛЕРА осведомить меня, с кем и как я буду связан. ЭНГЛЕР ответил, что он сам является сотрудником военной разведки Германии.

Связь со мной, с его слов, он будет поддерживать лично.

ВОПРОС : Неясно, каким образом ЭНГЛЕР мог поддерживать с вами связь, если он проживал в Вене, а вы в Москве?

ОТВЕТ: Дело в том, что ЭНГЛЕР предполагал переехать на работу в Москву, воспользовавшись тем, что Лечсануправление Кремля еще в 1932—33 гг. поставило вопрос об организации в СССР специального санатория по типу Норденовского.

В качестве главного врача этого санатория предполагалось пригласить кого-либо из ассистентов НОРДЕНА. ЭНГЛЕР мне сообщил, что с ним переговоры велись, и он дал свое согласие на переезд в Москву. Однако дело затягивалось потому, что Москва не принимала поставленных ЭНГЛЕРОМ условий.

ВОПРОС : Вы только что сказали, что с ЭНГЛЕРОМ были начаты переговоры относительно его перевода на работу в Москву. Кто вел эти переговоры?

ОТВЕТ: ЭНГЛЕР мне говорил, что эти переговоры он вел с МЕТАЛИКО-ВЫМ, бывш. нач.

Лечсануправления Кремля, который приезжал специально по этому поводу в Вену.

ВОПРОС : Какие задания дал вам ЭНГЛЕР после вербовки?

ОТВЕТ: Прежде всего, ЭНГЛЕР дал мне задание оказать всяческое содействие быстрейшему разрешению вопроса о его приглашении в Москву. Я обещал ЭНГЛЕРУ принять зависящие от меня меры к ускорению этого вопроса.

ВОПРОС : Выполнили ли вы это требование ЭНГЛЕРА?

/ 55 /

ОТВЕТ: По приезде в Москву я сразу же поговорил с МЕТАЛИКОВЫМ и рекомендовал ему поставить этот вопрос для разрешения в СНК СССР.

Через некоторое время МЕТАЛИКОВ сообщил мне, что СНК это предложение отклонил. Тогда я посоветовал МЕТАЛИКОВУ поставить вопрос в ЦК ВКП(б).

Политбюро ЦК ВКП(б) решило ЭНГЛЕРА в СССР не приглашать, а вместо этого командировать к НОРДЕНУ на практику группу советских врачей, чтобы затем из них выбрать специалистов на должность главного врача вновь создаваемого по норденовскому типу санатория «Барвиха».

Таким образом, приезд ЭНГЛЕРА в Москву не состоялся.

ВОПРОС : Были ли вами переданы ЭНГЛЕРУ для немецкой разведки какие-либо сведения, представлявшие специально охраняемую государственную тайну Советского Союза?

ОТВЕТ: За время моей непосредственной связи с ЭНГЛЕРОМ в Вене, а затем в Бадгаштайне (курорт радиоактивных вод в Австрии), куда он дважды приезжал связываться со мной, я информировал ЭНГЛЕРА только об общем положении Советского Союза и Красной Армии, которой он интересовался особенно.

ВОПРОС : Вы уклоняетесь от прямого ответа. Следствие интересуется вопросом, какие сведения шпионского характера были переданы вами ЭНГЛЕРУ?

ОТВЕТ: В пределах того, что я знал по памяти, я рассказал ЭНГЛЕРУ все о состоянии вооружения и боеспособности Красной Армии, особенно подчеркнув наиболее узкие места в боеспособности РККА. Я рассказал ЭНГЛЕРУ о том, что Красная Армия очень отстает по артиллерии, как по качеству артиллерийского вооружения, так и по количеству, и значительно уступает артиллерийским вооружениям передовых капиталистических стран.

Касаясь общего экономического положения в СССР, я рассказал ЭНГЛЕРУ о трудностях колхозного строительства и больших неполадках в индустриализации страны, особо остановившись на медленном освоении вновь построенных предприятий. Это я иллюстрировал на примере Сталинградского тракторного завода, где к моменту освоения производства уже была выведена из строя значительная часть ценного оборудования. Следовательно, заявлял я ЭНГЛЕРУ, успехи в области индустриализации СССР являются сомнительными.

Далее я информировал ЭНГЛЕРА об огромной диспропорции в росте отдельных отраслей промышленности, сильно сказывающейся на общем экономическом положении страны. Особо подчеркнул я отставание группы цветных металлов и специальных сплавов, тормозящих развитие боеспособности Красной Армии.

ВОПРОС : Вы показали, что организовать въезд ЭНГЛЕРА в СССР вам не удалось. Каким же образом вы осуществляли связь с немецкой разведкой после вашего возвращения в СССР?

ОТВЕТ: Я уже показывал, что состоялось решение о посылке группы советских врачей на практику к НОРДЕНУ. По возвращении их из Вены один из практиковавших у НОРДЕНА врачей, по фамилии **ТАЙЦ**, установил со мной по поручению ЭНГЛЕРА шпионскую связь.

ВОПРОС : Когда и при каких обстоятельствах была установлена ваша шпионская связь с этим врачом?

ОТВЕТ: Это было примерно в начале 1935 года. Врач ТАЙЦ всегда присутствовал при консультациях больных ответственных работников, так что я его хорошо знал и до этого. Первый разговор, при котором он установил со мной шпионскую связь, от имени ЭНГЛЕРА, происходил у меня на квартире, / 56 /

куда он явился под предлогом очередного осмотра. После обычных справок о моем здоровье он начал мне рассказывать о своей поездке в Вену. Рассказав о пребывании в санатории НОРДЕНА, он сообщил мне, что близко познакомился с доктором ЭНГЛЕРОМ, который просил передать мне привет как его хорошему знакомому.

В разговоре об ЭНГЛЕРЕ ТАЙЦ осторожно рассказал об инциденте, происшедшем у меня с медицинской сестрой в Вене. В шуточном тоне я сослался на свое легкомыслие и спросил у него, знает ли кто-либо об этом инциденте из других практиковавшихся у НОРДЕНА врачей. Он меня успокоил, заявив, что, кроме его и ЭНГЛЕРА, никто об этом инциденте не знает, добавив, что ему известно об установившихся между мной и ЭНГЛЕРОМ «добрых» отношениях. Мне стало ясно, что он все знает, и я прямо поставил перед ним вопрос, какое поручение просил передать мне доктор ЭНГЛЕР. ТАЙЦ мне заявил, что ЭНГЛЕР поручил ему связаться со мной по шпионской работе, поддерживать эту связь до тех пор, пока в этом не отпадет необходимость, и передавать все интересующие ЭНГЛЕРА сведения через него.

ВОПРОС : Где этот ТАЙЦ теперь находится?

ОТВЕТ: Он был арестован в 1937 году и, насколько помню, расстрелян.

ВОПРОС : Как долго длилась ваша связь с ним?

ОТВЕТ: Примерно на протяжении 1935 года.

ВОПРОС : Где происходили у вас явки?

ОТВЕТ: Во всех случаях, когда мне необходимо было передать те или иные шпионские сведения, встречи происходили у меня на квартире. ТАЙЦ приходил ко мне под видом проверки состояния моего здоровья.

ВОПРОС : Какие задания по шпионской работе вы получили от ТАЙЦА?

ОТВЕТ: По словам ТАЙЦА, ЭНГЛЕР интересовался, главным образом, секретными сведениями о вооружении Красной Армии и всеми данными о состоянии обороноспособности СССР. Я тогда заведовал промышленным отделом ЦК ВКП(б) и одновременно был заместителем председателя Комиссии партийного контроля, которым фактически руководил.

В Комиссии партийного контроля существовала военная группа, которую возглавлял Н. КУЙБЫШЕВ. Работа группы и ее материалы носили сугубо секретный характер, и потому группа

подчинялась мне. Материалы, которые составлялись военной группой КПК по вопросам состояния или обследования того или иного рода войск и вооружений, посылались только в Комитет Обороны и мне. Как правило, все эти документы я периодически брал с собой на квартиру и во время посещения ТАЙЦА передавал ему на короткий срок, после чего он мне их возвращал.

Я знаю, что большинство этих записок ТАЙЦ фотографировал и передавал по принадлежности.

ВОПРОС : Он вам об этом говорил?

ОТВЕТ: Да, однажды я поинтересовался, каким образом и куда он передает получаемые от меня сведения. ТАЙЦ мне сказал, что эти сведения в сфотографированном виде он передает определенному лицу в немецком посольстве, которое уже пересылает эти фотографии германской разведке.

ВОПРОС : А как он проникал в немецкое посольство?

ОТВЕТ: Помимо своей основной работы в Лечсануправлении Кремля врач ТАИЦ обслуживал и сотрудников германского посольства в Москве.

ВОПРОС : Вы помните характер сведений, которые вами были переданы ТАИЦУ?

ОТВЕТ: Да, помню.

ВОПРОС : Конкретизируйте.

/ 57 /

ОТВЕТ: За время моей связи с доктором ТАИЦ мной было передано большое количество докладных записок и справок по вопросам вооружения, вещевого и продовольственного снабжения, морально-политического состояния и боевой подготовки Красной Армии. В этих материалах давалась исчерпывающая цифровая и фактическая характеристика того или иного рода войск, видов вооружений и состояния военных округов.

За это же время мной были переданы ТАИЦУ сведения о ходе и недостатках перевооружения военной авиации, о медленном внедрении новых, более совершенных образцов авиамашин, об аварийности военных самолетов, плане подготовки летных кадров и тактико-технические данные, характеризующие качество и количество производимых нами авиационных моторов и самолетов.

Кроме того, мною были переданы через ТАЙЦА германской разведке имевшиеся в КПК данные о состоянии танкового вооружения Красной Армии. Я обращал внимание немцев на плохое качество советской брони и неналаженность переключения танков на дизельный мотор вместо применявшегося тогда авиационного мотора.

Далее, мною были переданы ТАИЦУ исчерпывающие данные о крупнейших недостатках в области вещевого и продовольственного снабжения и складского хозяйства РККА. По этим вопросам, между прочим, в ЦК ВКП(б) состоялось специальное совещание, решение которого мною также было доведено до сведения германской разведки.

Сообщенные мною материалы давали ясную картину положения в этой важной отрасли войскового хозяйства. Из них явствовало, что в самом начале войны Красная Армия окажется перед серьезными затруднениями.

Аналогичные материалы я передал ТАИЦУ о состоянии химического, стрелкового, инженерного

вооружения РККА, кроме того, отдельные материалы, характеризующие состояние боевой подготовки и политико-морального состояния частей Ленинградского, Белорусского, Приволжского и Среднеазиатского военных округов, которые были обследованы КПК.

ВОПРОС : В чем выразилось ваше дальнейшее сотрудничество с германской разведкой?

ОТВЕТ: В начале 1936 года по предложению Лечсануправления Кремля для консультации ряда ответственных работников в Москву был приглашен НОРДЕН, который пробыл в СССР дней 15—20.

Из большого количества лиц, проконсультированных НОРДЕНОМ, я точно помню ГАМАРНИКА, ЯКИРА, ЧУБАРЯ, ПЕТРОВСКОГО, КОСИОРА, ВЕЙНБЕРГА и МЕТАЛИКОВА. Проконсультировал НОРДЕН и меня.

ВОПРОС : Вы установили связь с НОРДЕНОМ по шпионской работе?

ОТВЕТ: Да, я связался с НОРДЕНОМ.

ВОПРОС : При каких обстоятельствах?

ОТВЕТ: Для прохождения специального клинического исследования я был направлен в Барвиху, где мне отвели отдельную квартиру, в которой я пробыл дней 8—10.

В один из этих дней ко мне зашел НОРДЕН, который передал привет от ЭНГЛЕРА, заявив: «ЭНГЛЕР доволен вашим вниманием и весьма сожалеет, что ему не удалось приехать в СССР. Вам обязательно надо еще раз попасть за границу, чтобы закончить курс лечения».

Я заявил НОРДЕНУ, что здоров и не вижу нужды в специальной поездке за границу. Тогда НОРДЕН мне прямо дал понять, что в моей поездке за границу нуждаются немцы и что дело не столько в моем желании, сколько в требовании германской разведки.

/ 58 /

Тогда я попросил НОРДЕНА дать соответствующее заключение о состоянии моего здоровья, что он и сделал впоследствии, указав, что мне необходимо пройти курс лечения в его венском санатории и проконсультироваться еще у ряда специалистов за границей. На этом основании было решено вновь командировать меня на лечение за границу.

ВОПРОС : НОРДЕН говорит по-русски?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС : А как же вы с ним объяснялись?

ОТВЕТ: Я объяснялся с ним через мою жену Евгению Соломоновну ЕЖОВУ, которая владела немецким, английским и французским языками.

ВОПРОС : Состоялась ли ваша поездка за границу?

ОТВЕТ: Летом 1936 года я выехал в Вену и вновь поместился в санатории НОРДЕНА.

Однако там мне делать было нечего, так как фактически я уже ни в каком лечении не нуждался. Я спросил НОРДЕНА — как мне быть. Он мне рекомендовал поехать на курорт в Мерано (Италия).

Перед поездкой в Мерано ЭНГЛЕР сказал, что со мной там будет иметь разговор человек, которому

по разведывательной работе подчинен и сам ЭНГЛЕР.

Дня через 3—4 после моего приезда в Мерано туда же приехал бывший торгпред в Германии КАНДЕЛАКИ, страдавший сахарной болезнью.

ВОПРОС : КАНДЕЛАКИ приехал в Мерано лечиться?

ОТВЕТ: Мерано — курорт, где лечат виноградом, который, понятно, противопоказан болезни КАНДЕЛАКИ.

ВОПРОС : Чем же в таком случае был вызван приезд КАНДЕЛАКИ?

ОТВЕТ: Как мне об этом позже стало известно, приезд КАНДЕЛАКИ в Мерано, как и мой приезд, был связан со шпионскими делами, о которых я покажу ниже.

ВОПРОС : Продолжайте свои показания?

ОТВЕТ: Вскоре после КАНДЕЛАКИ в Мерано приехал ЛИТВИНОВ, а затем ШТЕЙН, полпред СССР в Италии, который, пробыв пару дней, уехал, оставив свою машину ЛИТВИНОВУ.

На пятый или шестой день моего пребывания в Мерано КАНДЕЛАКИ мне сообщил, что в наш санаторий приехал видный немецкий генерал ГАММЕРШТЕЙН в сопровождении польского министра торговли, фамилию которого я сейчас не помню.

Вслед за ГАММЕРШТЕЙНОМ в Мерано прибыл и ЭНГЛЕР.

Тут я считаю необходимым отметить следующее: как-то прогуливаясь по парку санатория, я заметил, как КАНДЕЛАКИ поздоровался с ГАММЕРШТЕЙНОМ и вступил с ним в разговор.

Однажды вечером ко мне зашел ЛИТВИНОВ и пригласил пойти с ним в кафе. ЛИТВИНОВ обратился на немецком языке к сидящему за соседним с нами столиком ГАММЕРШТЕЙНУ и обменялся с ним приветствиями. На следующий день доктор ЭНГЛЕР представил меня ГАММЕРШТЕЙНУ.

ВОПРОС : Как это произошло?

ОТВЕТ: ЭНГЛЕР зашел ко мне в комнату и заявил: «Хочу вас осмотреть», и тут же он мне сообщил, что со мной должен встретиться ГАММЕРШТЕЙН.

Моя встреча с ГАММЕРШТЕЙНОМ была организована ЭНГЛЕРОМ под видом совместной прогулки с ЭНГЛЕРОМ по парку Мерано. В одной из беседок, как бы случайно, мы встретили ГАММЕРШТЕЙНА, которому меня представил ЭНГЛЕР, после мы продолжали прогулку втроем.

/ 59/

ГАММЕРШТЕЙН в начале беседы заявил: «Мы очень благодарны за все услуги, которые вы нам оказываете». Он заявил, что доволен сведениями, которые немцы получили от меня. Но, заявил ГАММЕРШТЕЙН, все это чепуха! Занимаемое вами положение в СССР таково, что мы не можем удовлетвориться передаваемыми вами сведениями. Перед вами стоят иные задачи, политического порядка».

ВОПРОС : Что это за «политические» задачи?

ОТВЕТ: ГАММЕРШТЕЙН, зная, что я уже избран секретарем ЦК ВКП(б), заявил: «Вы имеете возможность не только информировать нас, но и влиять на политику советской власти».

Далее ГАММЕРШТЕЙН меня поставил в известность о весьма серьезных, по его словам, связях, которыми располагают немцы в кругах высшего командования Красной Армии, и сообщил о существовании в Советском Союзе нескольких военно-заговорщических групп.

ГАММЕРШТЕЙН говорил мне, что ряд крупных военных работников недоволен созданным положением в СССР и ставит своей целью изменение внутренней и международной политики Советского Союза.

Советское правительство при его нынешней политике, продолжал ГАММЕРШТЕЙН, неизбежно приведет СССР к военному столкновению с капиталистическими государствами, тогда как этого можно вполне избежать, если бы Советский Союз, идя на уступки, мог «притереться» к европейской системе.

Поскольку ГАММЕРШТЕЙН не владел русским языком, я через ЭНГЛЕ-РА, игравшего роль переводчика, спросил его, насколько серьезны связи руководящих кругов Германии с представителями высшего командования Красной Армии.

ГАММЕРШТЕЙН ответил: «С нами связаны различные круги ваших военных. Цель у них одна, но, видимо, точки зрения разные, никак между собой договориться не могут, несмотря на наше категорическое требование».

ВОПРОС : Какие задания дал вам ГАММЕРШТЕЙН?

ОТВЕТ: ГАММЕРШТЕЙН предложил мне связаться с этими военными кругами, и в первую очередь с ЕГОРОВЫМ. Он заявил, что ЕГОРОВА знает очень хорошо, как одну из наиболее крупных и влиятельных фигур среди той части военных заговорщиков, которая понимает, что без германской армии, без прочного соглашения с Германией не удастся изменить политический строй в СССР в желаемом направлении.

ГАММЕРШТЕЙН предложил мне через ЕГОРОВА быть в курсе всех заговорщических дел и влиять на существующие в Красной Армии заговорщические группы в сторону их сближения с Германией, одновременно принимая все меры к их «объединению». «Ваше положение секретаря ЦК ВКП(б) вам в этом поможет», — заявил ГАММЕРШТЕЙН.

На этом ГАММЕРШТЕЙН попрощался, предупредив, что будет иметь со мной еще несколько встреч.

ВОПРОС : От имени кого говорил с вами ГАММЕРШТЕЙН?

ОТВЕТ: От рейхсверовских кругов Германии. Дело в том, что еще до прихода Гитлера к власти о ГАММЕРШТЕЙНЕ было создано мнение как о стороннике сближения германской армии с Красной Армией. В 1936—1937 гг. ГАММЕРШТЕЙН был отведен от непосредственной работы в Рейхсвере, но так как он больше других германских генералов располагал связями среди военных работников СССР, то ему и было поручено ведение т.н. «русских дел».

ВОПРОС : Состоялись ли ваши дальнейшие встречи с ГАММЕРШТЕЙНОМ?

ОТВЕТ: Да, с ГАММЕРШТЕЙНОМ я имел еще три встречи. При второй встрече ГАММЕРШТЕЙН интересовался подробностями, связанными с убийством С.М. КИРОВА, и серьезностью влияния троцкистов, зиновьевцев и правых в ВКП(б).

Я дал ему исчерпывающую информацию, в частности, отметил то обстоятельство, что среди чекистов наблюдается сейчас растерянность и что положение ЯГОДЫ в связи с убийством КИРОВА пошатнулось. Тогда же ГАММЕРШТЕЙН сказал: ***«Было бы очень хорошо, если бы вам удалось

занять пост ЯГОДЫ»***.

Я улыбнулся, ответив, что «не от меня только это зависит».

Третий мой разговор с немецким генералом касался заговорщической работы военных в СССР, поскольку гражданские дела меньше интересовали ГАММЕРШТЕЙНА.

Четвертая, и последняя, встреча с ГАММЕРШТЕЙНОМ состоялась в кафе.

ВОПРОС : Остановитесь подробно на вашей последней встрече с ГАММЕРШТЕЙНОМ.

ОТВЕТ: Однажды КАНДЕЛАКИ предложил мне пойти в типичное немецкое кафе. Я согласился. Вскоре в это же время в кафе зашел ГАММЕР-ШТЕЙН, с которым КАНДЕЛАКИ поздоровался и затем пригласил подсесть к нашему столику.

КАНДЕЛАКИ о чем-то поговорил по-немецки с ГАММЕРШТЕЙНОМ, а потом сказал: «Кажется, вы уже знакомы с генералом?» После моего утвердительного ответа ГАММЕРШТЕЙН заявил, что в Берлине он часто встречается с КАНДЕЛАКИ и «будет рад через него передавать мне всякие хорошие пожелания».

Перед своим уходом, уже прощаясь, ГАММЕРШТЕЙН попросил «передать большой привет Александру Ильичу» (ЕГОРОВУ).

ВОПРОС : Как вы понимали «хорошие пожелания», которые ГАММЕРШТЕЙН решил передавать через КАНДЕЛАКИ?

ОТВЕТ: Я понял, что КАНДЕЛАКИ, как и я, связан с ГАММЕРШТЕЙНОМ по шпионской работе и будет служить в дальнейшем одним из каналов моих связей с немецкой разведкой, тем более что спустя несколько дней после отъезда ГАММЕРШТЕЙНА и КАНДЕЛАКИ выехал в Берлин, а за время всего пребывания на курорте вовсе не лечился.

После отъезда КАНДЕЛАКИ ко мне стал часто заглядывать ЛИТВИНОВ и приглашать на прогулки или в кафе.

Как-то, сидя в кафе, ЛИТВИНОВ спросил у меня: «Какое впечатление на вас произвел ГАММЕРШТЕЙН?» Я, несколько смутившись, ответил: «Впечатление неглупого человека». «Да, — сказал ЛИТВИНОВ, — ГАММЕРШТЕЙН один из наиболее умных и дальновидных генералов Рейхсвера. С ним очень крепко считаются военные круги Германии, ГАММЕРШТЕЙН пользуется там большим влиянием в армии».

Помню, что разговор с ЛИТВИНОВЫМ происходил в присутствии моей жены — Евгении Соломоновны.

Потанцевав фокстрот, ЛИТВИНОВ повел дальше со мной довольно странный разговор. Он заявил: «Вот мы здесь разлагаемся, ходим по ресторанам, танцуем, а если об этом узнают в СССР, поднимется целая буча».

На мой недоуменный вопрос ЛИТВИНОВ ответил: «Страшного тут ничего нет, но, видите ли, культуры у нас нет, у наших государственных деятелей абсолютно отсутствует какая-либо культура».

«Вот вы познакомились с генералом ГАММЕРШТЕЙНОМ, — продолжал ЛИТВИНОВ, — а что в этом знакомстве, кроме пользы для Советского Союза? Если бы наши политические руководители имели связь с европейскими политическими деятелями, то многие острые углы во взаимоотношениях

/ 61 / с зарубежными странами были бы сглажены. А вот вы вернетесь в Москву, и вас могут проработать за знакомство с ГАММЕРШТЕЙНОМ».

На этом разговор с ЛИТВИНОВЫМ закончился. Вскоре я выехал из Мерано в Париж, оттуда на автомобиле проехал в Рим и поездом вернулся в Вену.

ВОПРОС : Эта поездка была связана с вашей шпионской работой?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС : «Вы посвятили свою жену в шпионский характер ваших встреч с ГАММЕРШТЕЙНОМ?»

ОТВЕТ: Нет, я ей тогда этого не говорил, сказал о характере связи с ГАММЕРШТЕЙНОМ позже.

ВОПРОС : Вы расскажете об этом, когда коснетесь шпионской деятельности вашей жены Евгении Соломоновны ЕЖОВОЙ, а сейчас переходите к своей практической работе в осуществление заданий ГАММЕРШТЕИНА.

ОТВЕТ: В разговоре с ГАММЕРШТЕЙНОМ было обусловлено, что связь с ним я должен буду осуществлять через ЕГОРОВА и КАНДЕЛАКИ, во время приездов последнего в Москву.

Вскоре по возвращении в Москву я пригласил к себе на дачу ЕГОРОВА и стал прощупывать его, знает ли он о моей связи с ГАММЕРШТЕЙНОМ, но, поскольку ЕГОРОВ ничего конкретного не сообщил, я перед ним в этот раз не раскрылся.

Однако зимой 1936 года ЕГОРОВ сам позвонил мне и заявил, что хочет со мной переговорить по одному серьезному делу.

В выходной день он приехал ко мне на дачу, и между нами состоялся первый разговор, в котором ЕГОРОВ сообщил мне, что знает уже о моей встрече с ГАММЕРШТЕЙНОМ, с которым и сам давно связан.

Наш разговор был прерван неожиданным появлением у меня на даче гостей, ввиду чего мы условились с ЕГОРОВЫМ продолжить в ближайшие дни начатую беседу.

ВОПРОС : Состоялась ли следующая встреча с ЕГОРОВЫМ?

ОТВЕТ: Да. Через три-четыре дня ЕГОРОВ вновь зашел ко мне и в этот раз подробно рассказал о существовании в РККА группы заговорщиков, состоящей из крупных военных работников и возглавляемой им — ЕГОРОВЫМ.

ЕГОРОВ далее назвал мне в качестве участников возглавляемой им заговорщической группы: БУДЕННОГО, ДЫБЕНКО, ШАПОШНИКОВА*, КАШИРИНА, ФЕДЬКО, командующего Забайкальским военным округом, и ряд других крупных командиров, фамилии которых я вспомню и назову дополнительно.

Дальше ЕГОРОВ сказал, что в РККА существуют еще две конкурирующие между собой группы: троцкистская группа ГАМАРНИКА, ЯКИРА и УБО-РЕВЬЧА и офицерско-бонапартистская группа ТУХАЧЕВСКОГО.

ВОПРОС : Подробно о характере и составе каждой группы в отдельности вы расскажете потом, а сейчас изложите ваш дальнейший разговор с ЕГОРОВЫМ вокруг ГАММЕРШТЕИНА.

ОТВЕТ: В беседе с ЕГОРОВЫМ я подробно ему рассказал о всех моих встречах и переговорах с ГАММЕРШТЕЙНОМ, предупредив его, что мне уже известно от самого ГАММЕРШТЕЙНА о наличии в РККА нескольких заговорщических групп.

Тут же я передал ЕГОРОВУ, что ГАММЕРШТЕЙН видит в качестве одной из основных наших задач — объединение всех военно-заговорщических групп в единую мощную организацию для более успешного осуществления планов антисоветского заговора, Я сказал, что сделаю все от меня зависящее к выполнению задания ГАММЕРШТЕЙНА.

/ 62 /

ЕГОРОВ сообщил мне, что и он связан по шпионской работе с ГАММЕР-ШТЕЙНОМ, что эту связь осуществляет через военного атташе при германском посольстве в Москве КЕСТРИНГА. Затем ЕГОРОВ обещал и меня связать с КЕСТРИНГОМ, что произошло в том же 1936 году.

ВОПРОС: Каким образом вы связались с КЕСТРИНГОМ?

ОТВЕТ: В конце 1936 года вскоре после моего назначения Наркомом Внутренних Дел СССР ко мне зашел ЕГОРОВ и сказал, что КЕСТРИНГ по поручению ГАММЕРШТЕЙНА хочет возможно скорее лично повидаться со мной. Так как меня всегда сопровождала охрана, я сказал, что надо как-то подготовить эту встречу, чтобы избежать излишних подозрений. Для этого я решил воспользоваться предстоящим осмотром предоставленной мне дачи по Ленинградскому шоссе, ранее принадлежавшей ЯГОДЕ. Я договорился с ЕГОРОВЫМ, что, выехав вместе с КЕСТРИНГОМ, он совершит вынужденную остановку автомобиля возле моей дачи в день осмотра мной этой дачи, а я случайно, якобы, приглашу его с КЕСТРИНГОМ ко мне закусить. ЕГОРОВ одобрил мой вариант встречи с КЕСТРИНГОМ.

В условленный день ЕГОРОВ вместе с КЕСТРИНГОМ, одетым в штатское, подъехал к моей даче и неподалеку сделал вынужденную остановку. Якобы случайно заметив ЕГОРОВА у автомобиля, я пригласил его вместе с КЕСТРИНГОМ осмотреть мою новую дачу. ЕГОРОВ и КЕСТРИНГ согласились, и мы направились на дачу.

За завтраком между мною и КЕСТРИНГОМ произошел следующий разговор. КЕСТРИНГ, отрекомендовавшись, заявил: «Я получил задание поговорить с вами лично и установить полное взаимопонимание наших общих задач».

ВОПРОС: КЕСТРИНГ говорит по-русски?

ОТВЕТ: Да, он свободно владеет русским языком. Затем КЕСТРИНГ передал мне, что мое назначение Наркомом Внутренних Дел открывает перспективы «объединения всех недовольных существующим строем, что, возглавив это движение, я сумею создать внушительную силу».

КЕСТРИНГ говорил: «Мы — военные — рассуждаем так: для нас решающий фактор — военная сила. Поэтому первая задача, которая, как нам кажется, стоит перед нами, — это объединение военных сил в интересах общего дела. Надо всячески усилить ваше влияние в Красной армии, чтобы в решающий момент направить русскую армию в соответствии с интересами Германии».

КЕСТРИНГ особенно подчеркивал необходимость ориентации на егоров-скую группу. Он говорил, что «Александр Ильич наиболее достойная фигура, которая может нам пригодиться, а его группа по своим устремлениям целиком отвечает интересам Германии».

Этим и объясняется, что впоследствии в своей практической работе в НКВД я всячески сохранял от провала Егоровскую группу, и только благодаря вмешательству ЦК ВКП(б) ЕГОРОВ и его группа

были разоблачены.

ВОПРОС : На этом и прекратился ваш разговор с КЕСТРИНГОМ?

ОТВЕТ: Нет, КЕСТРИНГ коснулся НКВД. Он говорил: «В общем плане задач, которые стоят перед нами, Народный Комиссар Внутренних Дел должен сыграть решающую роль. Поэтому для успеха переворота и прихода к власти вам надо создать в НКВД широкую организацию своих единомышленников, которые должны быть объединены с военными». КЕСТРИНГ заявил, что эти организации, как в армии, так и в НКВД, должны быть так подготовлены, чтобы к началу войны обеспечить объединенное выступление в целях захвата власти.

ВОПРОС : А что делал в это время ЕГОРОВ?

/ 63 /

ОТВЕТ: ЕГОРОВ слушал КЕСТРИНГА и вместе со мной соглашался с его предложениями.

Беседа длилась часа полтора-два, после чего ЕГОРОВ взял с собой КЕСТРИНГА и уехал.

ВОПРОС : Только ли через КЕСТРИНГА вами осуществлялась связь с германской разведкой?

ОТВЕТ: Нет, связь с германской разведкой я осуществлял также через КАНДЕЛАКИ.

ВОПРОС : Расскажите подробно о ваших встречах с КАНДЕЛАКИ.

ОТВЕТ: Весной 1936 года из Германии в Москву приехал КАНДЕЛАКИ, встретившись со мной, он передал привет от ГАММЕРШТЕЙНА и прямо повел со мной разговор о том, что, будучи тесно связан с германскими правительственными кругами в лице ГЕРИНГА, он слышал из авторитетных источников, что моему политическому, как он выразился, сотрудничеству с немцами придается большое значение и что правящие круги Германии возлагают на мое сотрудничество большие надежды.

ВОПРОС : Какие конкретные задачи через КАНДЕЛАКИ поставила перед вами германская разведка?

ОТВЕТ: КАНДЕЛАКИ подробно ориентировал меня о той подрывной работе, которую он ведет как торгпред СССР в Берлине, путем заключения с германским правительством невыгодных для СССР договоров.

ВОПРОС : Вас не об этом спрашивают. Не крутите, отвечайте прямо: осуществляли ли вы через КАНДЕЛАКИ шпионскую связь с германской разведкой?

ОТВЕТ: Да, КАНДЕЛАКИ являлся как бы контрольной связью германской разведки со мной. Он расспрашивал меня о ходе выполнения заданий, поставленных передо мной ГАММЕРШТЕЙНОМ, а полученную от меня информацию по возвращении в Берлин, с его слов, передавал ГАММЕРШТЕЙ-НУ и ГЕРИНГУ.

ВОПРОС : Что вам конкретно говорил КАНДЕЛАКИ о своей связи с ГЕРИНГОМ?

ОТВЕТ: В одну из встреч со мною, в конце 1936 или начале 1937 года, КАНДЕЛАКИ мне сообщил, что он через ГАММЕРШТЕЙНА связался с ГЕРИНГОМ.

ГЕРИНГ поручил КАНДЕЛАКИ по приезде в Советский Союз информировать Советское правительство о том, что якобы ему, КАНДЕЛАКИ, удалось оказать давление на германское

правительство в смысле предоставления СССР займа и что министр хозяйства ШАХТ под давлением германских деловых кругов готов пойти на некоторые уступки и предоставить Советскому Союзу кредиты.

КАНДЕЛАКИ далее говорил, что ГЕРИНГ проинформирован ГАММЕРШТЕЙНОМ о моем сотрудничестве с немецкой разведкой и просил меня содействовать заключению кредитного соглашения между СССР и Германией.

ВОПРОС : Почему требовалось ваше содействие в заключении этого соглашения?

ОТВЕТ: Потому что оно целиком соответствовало интересам только одной Германии и направлено было в сторону усиления экспорта из СССР сырья, необходимого для военной промышленности Германии.

ВОПРОС : Что вы предприняли в осуществление задания немцев?

ОТВЕТ: Я обещал КАНДЕЛАКИ поддержку и действительно переговорил с РОЗЕНГОЛЬЦЕМ о целесообразности заключения такого соглашения. В ре-/ 64 / результате Наркомвнешторг дал свое положительное заключение по этому соглашению.

ВОПРОС : Как дальше протекала ваша шпионская работа?

ОТВЕТ: Летом 1937 года, после процесса над ТУХАЧЕВСКИМ, ЕГОРОВ от имени германской разведки поставил передо мной вопрос о необходимости строить всю заговорщическую работу в армии и НКВД таким образом, чтобы можно было организовать, при определенных условиях, захват власти, не ожидая войны, как это условлено по первоначальному плану.

ЕГОРОВ сказал, что немцы мотивируют это изменение опасением, как бы начавшийся разгром антисоветских формирований в армии не дошел до нас, т.е. до меня и ЕГОРОВА.

По словам ЕГОРОВА, немцы предложили наши конкретные соображения по этому вопросу сообщить как можно скорей.

Обсудив с ЕГОРОВЫМ создавшееся положение, мы пришли к заключению, что партия и народные массы идут за руководством ВКП(б) и почва для этого переворота не подготовлена. Поэтому мы решили, что надо убрать СТАЛИНА или МОЛОТОВА под флагом какой-либо другой антисоветской организации с тем, чтобы создать условия к моему дальнейшему продвижению к власти. После этого, заняв более руководящее положение, создастся возможность для дальнейшего, более решительного, изменения политики партии и Советского правительства в соответствии с интересами Германии.

Я просил ЕГОРОВА передать немцам через КЕСТРИНГА наши соображения и запросить на этот счет мнение правительственных кругов Германии.

ВОПРОС : Какой ответ вы получили?

ОТВЕТ: Вскоре после этого, со слов КЕСТРИНГА, ЕГОРОВ сообщил мне, что правительственные круги Германии соглашаются с нашим предложением.

ВОПРОС : Что вами было предпринято для осуществления ваших предательских замыслов?

ОТВЕТ: Я решил организовать заговор в НКВД и вовлечь в него людей, через которых я смог бы осуществить террористические акты против руководителей партии и правительства.

ВОПРОС : Разве только после разговора с ЕГОРОВЫМ вы решили сколотить заговорщическую организацию в НКВД?

ОТВЕТ: Нет. Фактически дело обстояло следующим образом: еще задолго до этого разговора с ЕГОРОВЫМ, при моем назначении Наркомом Внутренних Дел, мною была взята с собой в НКВД группа работников, тесно связанных со мной по контрреволюционной работе. Таким образом, мое показание о том, что я приступил к организации заговора, следует понимать только в том смысле, что в связи с переговорами с ГАММЕРШТЕЙНОМ и установлением контакта с военными заговорщиками надо было в НКВД шире развернуть, форсировать, сколачивание заговорщической организации в самом НКВД.

ВОПРОС : Назовите, кого именно из лиц, связанных с вами по контрреволюционной работе, вы взяли с собой в НКВД?

ОТВЕТ: ЛИТВИНА, ЦЕСАРСКОГО, ШАПИРО, ЖУКОВСКОГО и РЫЖОВА.

ВОПРОС : Кто из старых работников НКВД был привлечен вами к антисоветскому заговору?

ОТВЕТ: Уже будучи Наркомом Внутренних Дел, через известный промежуток времени из числа работников НКВД мною были приближены, а многие и выдвинуты на ответственную работу бывшие участники заговорщической организации в НКВД, как ягодиныцы, так и северокавказцы.

Все эти три группы заговорщиков мною были возглавлены.

/ 65 /

ВОПРОС : Назовите участников этих заговорщических групп в НКВД. ОТВЕТ: 1. Участниками группы, которая была создана мною лично, являлись: ЛИТВИН, ЦЕСАРСКИЙ, ШАПИРО, ЖУКОВСКИЙ и РЫЖОВ; 2.

В состав заговорщической группы «северокавказцев» входили: ФРИ-НОВСКИЙ, ДАГИН, ЕВДОКИМОВ (хотя ЕВДОКИМОВ и не был работником НКВД, но о нем и о его группе работников НКВД я особо дам исчерпывающие показания); 3.

Третья группа заговорщиков состояла из ВЕЛЬСКОГО*, УСПЕНСКОГО, ЖУРБЕНКО*, РЕЙХМАНА, ЛЮШКОВА*, ПАССОВА, ГЕНДИНА и ЯРЦЕВА*.

Эти лица еще до привлечения их мною к антисоветской работе состояли в заговорщической организации, возглавлявшейся ЯГОДОЙ, БАЛИЦКИМ.

Я сохранил эти кадры заговорщиков и одновременно привлек их к антисоветской работе в НКВД, проводившейся под моим руководством.

Обо всех участниках этой группы я дам исчерпывающие показания по каждому в отдельности.

ВОПРОС : Перечисленных выше лиц вы ввели в курс дела?

ОТВЕТ: Да, каждого из этих лиц я в той или иной мере поставил в известность об организации Заговора, целях и задачах, которые мы преследовали. В целом же все они знали о существовании заговора и выполняли даваемые им поручения по антисоветской заговорщической работе. Каждому из них мною было дано задание расширять нашу организацию путем вовлечения людей, способных безоговорочно выполнять все наши указания по антисоветской работе.

Что же касается ЕВДОКИМОВА и ФРИНОВСКОГО, последние полностью были введены мною в курс дела заговора, знали абсолютно все, в том числе о моих связях с группой военных заговорщиков РККА и военными кругами Германии.

ВОПРОС : Следствие предупреждает вас, что об обстоятельствах вербовки каждого из названных вами участников заговора вы будете допрошены особо, а сейчас покажите, как в дальнейшем осуществлялась вами связь с германской разведкой?

ОТВЕТ: Связь с германской разведкой я продолжал осуществлять через КЕСТРИНГА.

ВОПРОС : Где происходили у вас явки с КЕСТРИНГОМ?

ОТВЕТ: На конспиративной квартире НКВД по Гоголевскому бульвару *** (бывший особняк БАЛИЦКОГО)***.

ВОПРОС : Сколько явок к КЕСТРИНГУ вы имели, как организовывались эти явки?

ОТВЕТ: С КЕСТРИНГОМ я имел на конспиративной квартире две явки. По договоренности со мной КЕСТРИНГ в эту квартиру являлся *** под фамилией «ИВАНОВ»***. Обслуживающий персонал квартиры мною заблаговременно предупреждался о беспрепятственном пропуске «ИВАНОВА».

ВОПРОС : А обслуживающий персонал знал, кто такой «ИВАНОВ»?

ОТВЕТ: Нет, никто о моих встречах с КЕСТРИНГОМ не знал.

ВОПРОС : Укажите внешние приметы КЕСТРИНГА?

ОТВЕТ: КЕСТРИНГ — выше среднего роста, нормального телосложения, с типичным немецким лицом, ровный нос, выдающийся подбородок, бреет бороду, носит усики.

ВОПРОС : Изложите содержание ваших бесед с КЕСТРИНГОМ.

/ 66 /

ОТВЕТ: Дело в том, что незадолго до второй встречи с КЕСТРИНГОМ на ЕГОРОВА в ЦК ВКП(б) поступило заявление, избличавшее ЕГОРОВА в антисоветских разговорах.

В результате специально проведенной проверки этого заявления ЕГОРОВ был освобожден от занимаемой должности и переведен на работу в Закавказский военный округ.

ЕГОРОВ остро переживал свое снятие с работы первого заместителя Наркома обороны и рассматривал этот факт как начало своего разоблачения.

В разговоре с КЕСТРИНГОМ я его информировал о снятии ЕГОРОВА с занимаемой должности, на что КЕСТРИНГ предложил мне во что бы то ни стало сохранить ЕГОРОВА от разоблачения.

Я проинформировал также КЕСТРИНГА о том, что в НКВД СССР мною создана заговорщическая организация, которая успешно проводит свою подрывную работу. КЕСТРИНГ одобрил мои мероприятия, после чего мы стали договариваться о порядке и формах нашей дальнейшей связи.

ВОПРОС : О чем вы договаривались?

ОТВЕТ: КЕСТРИНГ предложил мне, в случае необходимости, прибегнуть к посредничеству ФЕДЬКО, который также был привлечен к шпионской работе и к которому КЕСТРИНГ имел

официальный доступ как к заместителю Наркома обороны.

ВОПРОС : Зачем вам нужно было поддерживать связь с КЕСТРИНГОМ через лишнее промежуточное звено, если вы были связаны с ним непосредственно. Вы что-то недоговариваете.

Следствие требует от вас прекратить отвиливание и дать правдивое показание.

ОТВЕТ : Такое предложение исходило не от меня, а от КЕСТРИНГА, и вот почему. По договоренности с КЕСТРИНГОМ, постоянную связь с ним я осуществлял через ЕГОРОВА, и только в исключительных случаях могла быть организована непосредственная встреча со мной.

Такой порядок связи диктовался соображениями конспирации.

После отъезда ЕГОРОВА на работу в Закавказье КЕСТРИНГ хотел взамен ЕГОРОВА использовать для связи со мной ФЕДЬКО, который по занимаемой должности имел возможность безбоязненно встречаться с КЕСТРИНГОМ, но, так как я с ФЕДЬКО не был даже знаком, соглашаясь на то, чтобы в принципе иметь промежуточное лицо для связи с немцами, отвел все же кандидатуру ФЕДЬКО.

ВОПРОС : На ком же вы остановились?

ОТВЕТ : Я лично никого не выдвигал и просил до следующей встречи дать мне возможность обдумать и назвать соответствующее лицо.

ВОПРОС : Кого же вы наметили?

ОТВЕТ : Я лично никого не намечал. При следующей встрече с КЕСТРИНГОМ, которая происходила примерно в июле 1938 года, КЕСТРИНГ мне назвал несколько человек, через которых он считал бы возможным осуществить связь со мной.

В качестве связистов КЕСТРИНГ предложил: Захара БЕЛЕНЬКОГО, ЖУКОВСКОГО (бывшего моего заместителя) и ХОЗЯИНОВА — заместителя начальника Морского Управления Наркомвода.

ВОПРОС : Кого из них вы использовали для связи с КЕСТРИНГОМ?

ОТВЕТ : Я остановился на кандидатуре ХОЗЯИНОВА.

ВОПРОС : Почему?

ОТВЕТ : Потому что БЕЛЕНЬКОГО я знал как болтливую, неорганизованного человека, а ЖУКОВСКИЙ был известен по своим прошлым связям / 67 / с троцкистами. Я предпочел им ХОЗЯИНОВА, с которым я имел возможность в любое время встретиться в Наркомводе под прикрытием деловых отношений.

ВОПРОС : На этом закончился ваш разговор с КЕСТРИНГОМ?

ОТВЕТ : Нет, я проинформировал КЕСТРИНГА о дальнейших арестах среди военных работников, заявив, что предотвратить эти аресты не в силах, в частности сообщил об аресте ЕГОРОВА, который может повлечь за собой провал всего заговора.

КЕСТРИНГА все эти обстоятельства крайне обеспокоили. Он резко поставил передо мной вопрос о том, что либо сейчас же необходимо предпринимать какие-то меры к захвату власти, либо вас разгрянут поодиночке.

КЕСТРИНГ вновь вернулся к нашему старому плану так называемого «короткого удара» и

потребовал его скорейшего осуществления.

ВОПРОС : О ваших злодейских намерениях вы будете допрошены, а сейчас продолжайте ваши показания о дальнейших Шпионских связях с ХОЗЯИНОВЫМ. Вы установили связь с ХОЗЯИНОВЫМ?

ОТВЕТ : Да, с ХОЗЯИНОВЫМ я установил связь. При одной из частых служебных встреч с ним, в моем служебном кабинете в Наркомводе, я спросил ХОЗЯИНОВА — бывал ли он за границей. Тот ответил утвердительно, заявив, что по линии Наркомвнешторга работал в Лондонском, а затем в Берлинском торгпредствах. Так как ХОЗЯИНОВ ничего больше мне не сказал, я понял, что КЕСТРИНГОМ он пока не предупрежден.

Через несколько дней, будучи у меня на докладе, ХОЗЯИНОВ спросил о причинах моей заинтересованности его работой за границей. В этом же разговоре ХОЗЯИНОВ мне сообщил, что имеет поручение от немцев связаться со мной. Я дал свое согласие.

ВОПРОС : Назвал ли вам ХОЗЯИНОВ КЕСТРИНГА?

ОТВЕТ : Нет, насколько я понял КЕСТРИНГА при перечислении фамилий БЕЛЕНЬКОГО, ЖУКОВСКОГО и ХОЗЯИНОВА, последние были связаны с германской разведкой через другого работника посольства, но не КЕСТРИНГА, который проводил разведывательную работу только по военной линии, перечисленные же лица использовались по линии общего шпионажа.

ВОПРОС : Больше встреч с КЕСТРИНГОМ у вас не было?

ОТВЕТ : Лично с КЕСТРИНГОМ я больше не встречался. В дальнейшем связь между нами осуществлялась через ХОЗЯИНОВА.

ВОПРОС : Знал ли ХОЗЯИНОВ о подготавливавшихся вами террористических актах против руководителей партии и правительства?

ОТВЕТ : Да, знал. Об этом ХОЗЯИНОВ был поставлен в известность не только мною, но и германской разведкой, так как при первой же встрече после установления между нами связи ХОЗЯИНОВ передал мне директиву немцев: во что бы то ни стало ускорить совершение террористических актов.

Кроме того, ХОЗЯИНОВ передал мне указания германской разведки о том, что в связи с освобождением меня от работы в НКВД и назначением БЕРИЯ Наркомом Внутренних Дел германская разведка считает необходимым совершить убийство кого-либо из членов Политбюро и, таким образом, спровоцировать новое руководство НКВД.

В этот же период в самом Наркомвнуделе начались аресты активных участников возглавляемого мною заговора, и тут мы пришли к выводу о необходимости организовать выступление 7-го ноября 1938 года.

ВОПРОС : Кто это «мы»?

ОТВЕТ : Я - ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ, ДАГИН и ЕВДОКИМОВ.

/ 68 /

ВОПРОС : В чем должно было выразиться ваше выступление 7-го ноября 1938 года?

ОТВЕТ : В путче.

ВОПРОС : Уточните, что за путч?

ОТВЕТ: Безвыходность положения привела меня к отчаянию, толкавшему меня на любую авантюру, лишь бы предотвратить полный провал нашего заговора и мое разоблачение.

ФРИНОВСКИЙ, ЕВДОКИМОВ, ДАГИН и я договорились, что 7-го ноября 1938 года по окончании парада, во время демонстрации, когда разойдутся войска, путем соответствующего построения колонн создать на Красной площади «пробку». Воспользовавшись паникой и замешательством в колоннах демонстрантов, мы намеревались разбросать бомбы и убить кого-либо из членов правительства.

ВОПРОС : Как были между вами распределены роли?

ОТВЕТ: Организацией и руководством путча занимались я — ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ и ЕВДОКИМОВ, что же касается террористических актов, их практическое осуществление было возложено на ДАГИНА. Тут же я должен оговориться, что с каждым из них я договаривался в отдельности.

ВОПРОС : Кто должен был стрелять?

ОТВЕТ: ДАГИН мне говорил, что для этих целей он подготовил ПОПАШЕНКО, ЗАРИФОВА и УШАЕВА, секретаря ЕВДОКИМОВА, бывшего чекиста «северокавказца», о котором ДАГИН отзывался как о боевом парне, вполне способном на исполнение террористического акта.

По договоренности с ДАГИНЫМ, накануне 7-го ноября он должен был проинформировать меня о конкретном плане и непосредственных исполнителях террористических актов. Однако 5-го ноября ДАГИН и другие заговорщики из отдела охраны, в том числе ПОПАШЕНКО и ЗАРИФОВ, были арестованы. Все наши планы рухнули. Тут же считаю необходимым отметить, что, когда 5-го ноября Л. БЕРИЯ поставил вопрос в ЦК ВКП(б) об аресте заговорщиков из отдела охраны НКВД, в том числе — ДАГИНА, ПОПАШЕНКО и ЗАРИФОВА, я всячески старался отстоять этих людей и оттянуть их арест, мотивируя тем, что, якобы, ДАГИН и остальные заговорщики из отдела охраны нужны для обеспечения порядка в дни Октябрьских торжеств. Невзирая на это, ЦК ВКП(б) предложил арестовать заговорщиков. Так рухнули все наши планы.

ВОПРОС : Учтите, что следствие потребует от вас выдать всех заговорщиков и террористов. Ни одного из этих изменников скрыть вам не удастся.

Отвечайте, какие меры вы предприняли к осуществлению террористических актов после провала ваших коварных замыслов?

ОТВЕТ: В последних числах ноября 1938 года я был освобожден от работы в НаркОмвнуделе. Тут я окончательно понял, что партия мне не верит и приближается момент моего разоблачения. Я начал искать выход из создавшегося положения и решил не останавливаться ни перед чем для того, чтобы или осуществить задание германской разведки, убить одного из членов Политбюро, или самому бежать за границу и спасти свою шкуру.

ВОПРОС : Как вы мыслили осуществить эти ваши намерения?

ОТВЕТ: Теперь я решил лично подготовить человека, способного на осуществление террористического акта.

ВОПРОС : Кого же вы привлекали для этих целей?

ОТВЕТ: ЛАЗЕБНОГО, бывшего чекиста, начальника портового управления Наркомвода.

/ 69 /

Я знал, что в НКВД на ЛАЗЕБНОГО имеются показания о его причастности к антисоветской работе, и решил использовать это обстоятельство для вербовки ЛАЗЕБНОГО.

В одну из встреч в моем служебном кабинете в Наркомводе я сообщил ЛАЗЕБНОМУ, что на него в НКВД имеются компрометирующие материалы, что не сегодня завтра его арестуют и что ему грозит гибель.

Я сказал ЛАЗЕБНОМУ: «Выхода у вас нет, вам все равно погибать, но зато, пожертвовав собой, вы можете спасти большую группу людей». На соответствующие расспросы ЛАЗЕБНОГО я ему сообщил о том, что убийство СТАЛИНА спасет положение в стране. ЛАЗЕБНЫЙ дал мне свое согласие.

ВОПРОС: Какое вы имели основание повести с ЛАЗЕБНЫМ столь откровенный разговор?

ОТВЕТ: Вообще ЛАЗЕБНЫЙ за последнее время ходил как в воду опущенный, находился в состоянии безнадежности и не раз высказывал мысль о самоубийстве. Поэтому мое предложение он принял без колебаний. ЛАЗЕБНЫЙ согласился даже с тем, чтобы после осуществления террористического акта на месте преступления покончить самоубийством.

ВОПРОС: Кого еще, кроме ЛАЗЕБНОГО, вы завербовали в качестве террористов?

ОТВЕТ: Кроме ЛАЗЕБНОГО мною были подготовлены в качестве террористов мои старые друзья — КОНСТАНТИНОВ Владимир Константинович, начальник Военторга Ленинградского военного округа, и ДЕМЕНТЬЕВ Иван Николаевич — помощник начальника охраны Ленинградской фабрики «Светоч», которые дали мне свое полное согласие совершить террористический акт по моему указанию.

ВОПРОС: Почему именно на ДЕМЕНТЬЕВЕ и КОНСТАНТИНОВЕ вы остановили свой выбор как на террористах?

ОТВЕТ: Помимо длительной личной дружбы с КОНСТАНТИНОВЫМ и ДЕМЕНТЬЕВЫМ, меня связывала с ними физическая близость. Как я уже сообщал в своем заявлении на имя следствия, С КОНСТАНТИНОВЫМ и ДЕМЕНТЬЕВЫМ я был связан порочными отношениями, т.е. педерастией.

ВОПРОС: Об обстоятельствах вербовки КОНСТАНТИНОВА и ДЕМЕНТЬЕВА и конкретных заданиях, которые вы им дали, вы будете допрошены особо. Сейчас расскажите, каким путем вы мыслили совершить свой побег за границу?

ОТВЕТ: В целях предотвращения моего неминуемого ареста я поручил ХОЗЯИНОВУ поставить вопрос перед немцами об организации моего бегства за границу. Через несколько дней ХОЗЯИНОВ сообщил мне, что немцы не соглашаются перебросить меня в Германию и предлагают оставаться в СССР и продолжать свою антисоветскую работу.

ВОПРОС: Что же, вы согласились с указаниями германской разведки?

ОТВЕТ: Нет, не согласился, и, решив во чтобы то ни стало уйти за границу, я задумал обратиться за помощью к англичанам.

ВОПРОС: При чем тут англичане? Разве вы связаны с английской разведкой?

ОТВЕТ: С английской разведкой был связан не я, а моя жена Евгения Соломоновна ЕЖОВА.

ВОПРОС : Откуда вам это известно?

ОТВЕТ: Весной 1938 года в ЦК ВКП(б) меня спросили о характере моих отношений с КОНАРОМ. Из этого факта я заключил, что меня проверяют, я стал нервничать и на этой почве пьянствовать. Жена моя Евгения Соломоновна ЕЖОВА не раз спрашивала меня о причинах пьянства. Будучи уверен в ее преданности мне, я решил наконец перед ней раскрыться и сообщить о своей антисоветской работе и связях с польской и германской разведками.

/ 70 /

Успокаивая меня, Евгения Соломоновна ЕЖОВА сообщила мне, что она тоже связана с английскими разведывательными органами, что к шпионской работе в пользу англичан она была привлечена бывшим ее мужем ГЛАДУ-НОМ еще в 1926 году, в бытность их на работе в Англии.

ВОПРОС : Где в настоящее время находится ГЛАДУН?

ОТВЕТ: Насколько я помню, в 1937 году ГЛАДУН являлся начальником строительства одного из заводов в Харькове.

ВОПРОС : Значит, ГЛАДУН также является английским шпионом?

ОТВЕТ: Да, ГЛАДУН — со слов Евгении ЕЖОВОЙ — является старым английским шпионом и, как я показывал выше, привлек ее к шпионской работе в пользу английской разведки.

ВОПРОС : Что сообщала вам ЕЖОВА о своей связи с английской разведкой?

ОТВЕТ: ЕЖОВА мне рассказала, что она связана с разведывательной службой министерства иностранных дел Англии и освещает положение в СССР, политические настроения русской интеллигенции. В своих шпионских целях ЕЖОВА использовала и меня, так как я свободно делился с ней всеми имевшимися у меня секретными материалами.

ВОПРОС : Вы лжете. О связи вашей жены — Е.С. ЕЖОВОЙ с английской разведкой вам было известно задолго до 1938 года, и вы об этом не только знали, но и активно сотрудничали вместе с вашей женой в пользу англичан. По этому поводу вам придется держать ответ перед следствием.

Говорите прямо, с кем еще была связана ЕЖОВА по шпионской работе в СССР?

ОТВЕТ: С Зинаидой ГЛИКИНОЙ и Михаилом КОЛЬЦОВЫМ.

ВОПРОС : К вопросу характера шпионской связи ЕЖОВОЙ, ГЛИКИНОЙ и КОЛЬЦОВА следствие вернется, а теперь покажите, как вы хотели прибегнуть к помощи английской разведки для организации своего побега за границу?

ОТВЕТ: Так как в декабре 1938 года жена моя умерла, а немцы отказали мне в переброске в Германию, я сам предпринял меры к установлению связи с англичанами.

ВОПРОС : Какие меры вы предприняли для установления связи с англичанами?

ОТВЕТ: Из материалов НКВД мне было известно о том, что начальник Балтийского пароходства в Ленинграде МЕЛЬНИКОВ по шпионской работе был связан с английским разведчиком, бывшим начальником Ленинградского порта, ныне осужденным БРОНШТЕЙНОМ.

Об этих материалах я проинформировал ЕВДОКИМОВА и предложил ему завербовать МЕЛЬНИКОВА в заговорщическую организацию.

Вскоре ЕВДОКИМОВ мне сообщил, что МЕЛЬНИКОВА он сумел завербовать, и тот дал свое согласие на участие в антисоветском заговоре.

Примерно к концу января или началу февраля этого года МЕЛЬНИКОВ обратился ко мне с заявлением о разрешении ему выехать по делам службы в Англию.

Я решил воспользоваться этим предложением и рассказать МЕЛЬНИКОВУ об известных мне материалах по его шпионской связи с английским разведчиком БРОНШТЕЙНОМ.

Далее, я решил сказать ему, что знаю со слов ЕВДОКИМОВА об участии МЕЛЬНИКОВА в антисоветском заговоре, и дать поручение при поездке в Англию связаться с английскими правительственными кругами и попросить от моего имени содействия переброски меня в Англию, напомнив, что жена моя Е.С. ЕЖОВА являлась сотрудником английской разведки.

ВОПРОС : Состоялся ли у вас такой разговор с МЕЛЬНИКОВЫМ?

/ 71 /

ОТВЕТ: Нет, такой разговор не состоялся, так как к этому времени начались партийные конференции; командирование МЕЛЬНИКОВА в Англию я отложил до окончания XVIII съезда партии, делегатом которого являлся МЕЛЬНИКОВ.

После съезда я был арестован.

ВОПРОС : Ваши показания о МЕЛЬНИКОВЕ неубедительны. Вы совершенно напрасно пытаетесь скрыть ваши действительные связи с английской разведкой.

ОТВЕТ: Я вовсе не намерен что-либо скрыть от следствия. Прошу дать мне возможность восстановить в памяти все, что мне известно по этому вопросу, и на очередном допросе дать правдивые показания.

ВОПРОС : Следствием установлено, что отравление вашей жены Е.С. ЕЖОВОЙ, в результате которого последовала ее смерть, было дело ваших рук.

Признаете ли вы себя в этом виновным?

ОТВЕТ: Да, признаю.

ВОПРОС : В каких целях вы отравили свою жену?

ОТВЕТ: Я боялся ее ареста и того, что на следствии она выдаст все, что ей известно о моей заговорщической и шпионской работе.

ВОПРОС : Каким образом вы совершили это отравление?

ОТВЕТ: После того как мне было предложено развестись с Е.С. ЕЖОВОЙ и я ее об этом предупредил, она пала духом и неоднократно проявляла намерения покончить самоубийством. Я ее устроил в психиатрический санаторий и прикрепил к ней, по ее просьбе, Зинаиду ГЛИКИНУ и врача ВИЭМа Екатерину ГОЛЬЦ.

Вскоре Зинаида ОРДЖОНИКИДЗЕ, навещавшая мою жену, принесла мне письмо, в котором ЕЖОВА

сообщала, что твердо решила принять все меры к тому, чтобы покончить с собой, и просила меня прислать ей снотворное средство.

ВОПРОС : Вы исполнили просьбу ЕЖОВОЙ?

ОТВЕТ: Через ДЕМЕНТЬЕВА, упомянутого мною в настоящем протоколе, я послал ей фрукты, статуэтку гнома и в большом количестве люминал, которые ДЕМЕНТЬЕВ вручил лично Е.С. ЕЖОВОЙ, в свою очередь, получив от нее записку ко мне.

ВОПРОС ; Какой ответ принес вам ДЕМЕНТЬЕВ от ЕЖОВОЙ?

ОТВЕТ: ДЕМЕНТЬЕВ принес мне записку от ЕЖОВОЙ, в которой она прощалась со мной.

Кроме этого; я получил через Зинаиду ОРДЖОНИКИДЗЕ второе письмо, в котором Е.С. ЕЖОВА вторично прощалась со мной.

Когда я получил это письмо, ЕЖОВА была уже мертва, отравившись присланным мною в большом количестве люминалом.

ВОПРОС : Следовательно, прямым виновником смерти Е.С. ЕЖОВОЙ являетесь вы?

ОТВЕТ: Да, я признаю себя виновным в этом.

ВОПРОС : Следствие констатирует, что вы продолжаете стоять на вражеских позициях и ведете себя неискренне. Это выражается в том, что вы: 1.

Умалчиваете о ваших связях с польской разведкой после 1937 года; 2.

Недоговариваете по вопросу о вашей шпионской работе в пользу Германии; 3.

В качестве лиц, причастных к вашей заговорщической и шпионской работе, называете или мертвых, или официальных сотрудников иностранных посольств; 4.

Скрываете лиц, которые вместе с вами руководили предательской работой по организации контрреволюционного переворота в СССР.

/ 72 /

Учтите, что по всем этим вопросам вы будете завтра же допрошены, и вам придется дать исчерпывающие показания. Допрос прерывается. Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

Н. ЕЖОВ

ДОПРОСИЛИ:

нач. следчасти КОБУЛОВ

пом. нач. следчасти ШВАРЦМАН

ст. следователь СЕРГИЕНКО

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 375. Л. 122—164. Подлинник. Машинопись.

На полях имеются рукописные пометы Сталина:

* фамилия обведена в кружок;

— фамилия обведена в кружок, и на полях написано: «Профсоюзник? Спросить: 1. Вейнберг = сволочь. 2. Металиков = негодяй. 3. Где врач Тайц?»;

— фамилия обведена в кружок, и на полях написано: «Где он? В Барвихе»;

— фраза подчеркнута.